

УДК 81.27:39

ДИНАМИКА МИФОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ВЕЛИКАН» (на материале английских народных сказок)

Ольга Александровна Плахова

**к. филол. н., доцент кафедры теории и методики
преподавания иностранных языков и культур**

Тольяттинский государственный университет

445046, Тольятти, ул. Мурысева, д. 53, кв. 65. plahova_oa@mail.ru

В статье рассматривается мифологический концепт «великан» как динамическое образование, аккумулирующее спектр мифологических представлений об универсуме. Подвижность, изменчивость данного концепта в национальной концептосфере проявляется в приобретении им признаков, отражающих социально значимые характеристики у соответствующих референтов вымышленной действительности. Данные признаки немифологического характера сосуществуют с мифологическими признаками концепта, постепенно замещая их в периферийных областях концепта.

Ключевые слова: демифологизация; динамика; мифологический концепт; когнитивный признак; сказочный дискурс; мифологическая картина мира.

Будучи фольклорными жанрами, сказка и миф имеют много общего, что, однако, не означает их полного тождества. По мнению В.Я. Проппа, в случае мифа и сказки дифференциальным признаком является социальная функция, так как, будучи стадийно более ранним образованием, миф характеризуется сакральным значением, в то время как сказка имеет развлекательное значение [Пропп 2000: 29]. Противопоставление мифа и сказки у У. Бэскома проходит по признакам веры (реальность – вымысел), времени и места (определенные – неопределенные), отношения к религии (религиозное – нерелигиозное), характеристикам главного героя (нечеловеческий – нечеловеческий / человеческий, по обстановке рассказывания [цит. по: Мелетинский 1970: 141]. Е.М.Мелетинский в качестве минимального набора различительных признаков называет «достоверность – недостоверность» («абсолютная достоверность – относительная, допускающая выдумку»), «наличие этиологизма – его отсутствие», «коллективность (космичность) объекта изображения – его индивидуальность» [там же: 142, 148].

Общепринятым считается мнение относительно десакрализации мифа как неперемного условия его трансформации в сказку. Процесс трансформации мифа в сказку – непрекращающийся процесс, поэтому, как считает В.Н.Топоров, речь идет не столько о сказке в привычном понимании, сколько о мифе, под-

вергшемся трансформации. Допускается также возможность заимствования сказкой мифического сюжета с его последующей трансформацией в соответствии с жанровыми законами сказки [Шинкаренко 2005: 155]. Таким образом, в общепринятом понимании сказка по сравнению с мифом представляет собой хронологически более позднее образование, сохранившее в модифицированном виде элементы мифологических представлений о мире и человеке, которые вытесняются пришедшими им на смену более сложными представлениями о действительности как результате познавательной деятельности человечества.

Результатом деятельности мифологического мышления по отражению объективной действительности является мифологическая картина мира как составная часть обыденного сознания, сконструированная из мифологических концептов, номинируемых при помощи особого класса лексических единиц. Концепты, составляющие мифологическую концептосферу, традиционно трактуются как единицы коллективного сознания, которые отражают объекты и явления виртуальной реальности, и в исследовательских работах именуется мифологическими концептами, мифоконцептами, мифологемами. При характеристике связи между мифологической концептосферой и обслуживающим ее фрагментом языковой картины мира наблюдается некоторое «размывание» значений используемой терминологии.

Так, если термины «мифологический концепт» и «мифоконцепт» отличаются однозначностью употребления, то термин «мифологема» допускает вариативность значений в тождественных контекстах, что представляется неприемлемым и требует уточнения. С.А.Питина характеризует мифологему, с одной стороны, как концепт, с другой стороны, как имя, не имеющее денотата [Питина 2002б: 35–36]. Относят мифологему к единицам лексической системы О.А.Черепанова, О.В.Абыякая (использует термин «слово-мифологема») [Черепанова 1983: 102; Абыякая 2004: 5] и ряд других исследователей. С целью преодоления неоправданной многозначности терминологической единицы «мифологема» представляется целесообразным использовать данную лексику по отношению к структурам идеального плана (поскольку первоначально она была введена для обозначения ментальных образований) и рассматривать ее в качестве синонима терминов «мифологический концепт» и «мифоконцепт». Однозначным представляется термин «мифоним» в широком значении, в равной степени относимый и к онимным, и к апеллятивным номинациям сверхъестественных существ. Однако, на наш взгляд, соответствующие мифоконцептам языковые единицы предпочтительнее называть мифолексемами (термин В.И.Шаховского) [Шаховский 1986] в силу прозрачности внутренней формы термина, не допускающей возможности инотолкования.

Культурно-историческое развитие человечества проявляется в процессах мифологизации и идеологизации мифологем, отражающих «как глобальные, так и национально-специфические особенности массового сознания» [Питина 2002а: 34]. Неослабевающее влияние массовой культуры на фольклор и мифологию объясняется исследователями этической значимостью фольклорных и мифологических представлений. С.А.Питина аргументирует сохранение мифологичности сознания современного человека следующим образом: «Могут меняться условия жизни, сужаться пространственная среда, обновляться каналы воздействия на общество и индивидуума, но неизменными остаются потребности и представления об эталонах добра и зла – базовых понятиях всей истории человечества» [там же]. Тенденция потери мифоконцептами отдельных мифологических признаков наблюдается в процессе анализа способов их вербализации в англоязычном сказочном дискурсе, что и обуславливает цель настоящего исследования – детальную характеристику динамических изменений концепта «великан» в мифологической кар-

тине мира в ходе обращения к способам его дискурсивной реализации.

Неоднородность англоязычного сказочного дискурса, связанная с особыми условиями развития жанра фольклорной сказки и воздействием разной степени интенсивности со стороны составителей сборников на композиционно-содержательную целостность сказки, является отражением сосуществующих в мифологических концептах противоречивых, а порой и взаимоисключающих с позиции мифологического мышления когнитивных признаков. Их присутствие в мифоконцептах является следствием развития рационального мышления, осуществляющего частичную переоценку и реструктуризацию имеющегося знания о мифологическом мироустройстве в соответствии с известными законами развития природы и общества и законами логики. В этой связи видится уместным проследить динамические изменения на примере мифоконцепта «великан» (занимающего третье место среди 18 концептов английской мифологической концептосферы по плотности номинации в сказочном дискурсе), которые сопровождалось появлением новых периферийных концептуальных признаков, связывающих субконцептосферы «Мифологические существа» и «Человек».

Концептуальными признаками мифоконцепта «великан», получившими яркую дискурсивную реализацию, являются огромный рост, огромная физическая сила, отличный аппетит, каннибализм, злобный характер, оружие как атрибутика. Угасание отдельных концептуальных признаков и их компенсация признаками немифологического характера прослеживаются в периферийных элементах мифоконцепта «великан», занимающих соответственно области ближней, дальней и крайней периферии. К ним относятся: 1) существа гигантского размера, не обладающие магическими способностями (the Giant of Worsley, the Giant Road-Maker of Mulgrave, Wadda, the Giant of Yewdale, the Giant of the Tarns); 2) люди огромного роста и недюжинной силы (Tom Hickathrift); 3) персонажи, сохранившие отдельные черты и атрибуты великанов (Mr Micassa, Mr Micrawble, Jack Otter, silly man with the hammer called 'Slimer'). У персонажей первой группы наблюдается сохранение наиболее многочисленных когнитивных мифологических признаков: они выступают в качестве создателей объектов физической географии, отличаются завидным аппетитом, обладают огромной физической силой. Преобразующая деятельность таких персонажей аккумулируется в мифонимах и топонимах (the Giant Road-Maker of Mulgrave, Wadda's Causeway, Wadda's grave, Wade's wife's causey) и

системе языковых средств, вербализующих ситуации строительства дороги. Качественным образом меняется мотивировка деятельности, поскольку создание географических объектов связано с желанием сделать приятное своей второй половине, облегчить ее труд, т.е. изначально она обусловлена не идеей разрушения, а идеей любви к ближнему, идеей созидания во благо: *Why should not he make a road on this pattern for the benefit of his wife, whom he loved so dearly, and whose toil and labours he would be glad to lessen at any cost to himself?* [Ross 1892: 76]. Процесс строительства дороги манифестируется набором действий по преобразованию рельефа (*to level the inequalities and fill up the boggy places, so as to make a firm foundation, and to spread over the whole a layer of the stones gathered from the sea shore; a newly macadamised road; Lady Wada in her daily tramps across the moor*), сопровождается номинациями строительного материала и инструментария (*plenty of material close at hand, in the shingle on the beach; he with his spade in the leveling and bog-filling operations, and she carrying up the shingle in her apron*), а также обозначением времени и усилий, требуемых для создания подобного чуда (*sufficient strength and energy; as a monument of her industry and strength; and it went on apace day after day and week after week*). Очевидно, в данном случае наблюдается одно из мифологических объяснений мощных дорог, оставшихся от времен пребывания римлян на Британских островах, так непохожих на проселочные дороги, по которым передвигались германские племена: ср.: *Now it chanced that a short while before this Wada, in one of his wanderings, came upon the road constructed by the Romans, from Eboracum, by way of Malton to the Bay of Filey, and was struck by the facilities it gave for travelling, as compared with the more modern Saxon roads, if roads they could be called, which were mere trackways, formed and trodden down by the feet of men and animals. ...and after a few minutes musing, the thought struck him...* [Ross 1892: 76].

У великанов, потерявших магические способности, сохраняется завидный аппетит (*devouring an enormous quantity of beef and swine's flesh, with manchets of oaten bread, washed down by repeated draughts of ale*) и, как следствие, огромная физическая сила. Физические характеристики великанов эксплицируются посредством многочисленных лингвостилистических средств (хотя и менее разнообразных по сравнению с номинациями прототипических характеристик центральных персонажей мифоконцепта): эпитетов (*a man of gigantic stature and a champion of redoubtable en-*

ergy in war; the blows of his ponderous mace; a gigantic figure), прецедентных имен, связывающих персонажей с германскими богами древности (*a true son of Woden in all respects, the halls of the Walhalla*), аллитерации (*dealing death*), контекстуальных синонимов (*dealing death around him and cumbering the field with the bodies*), сравнения (*one of the ribs of Wada's wife ... nothing more than the bone of a whale*). Однако, несмотря на наличие достаточно важных интегральных характеристик, данные персонажи не только не отождествляются, но и противопоставляются великанам вследствие почти полного угасания в концептуальной структуре прототипического мифологического признака вредоносности:

Wada was not a ferocious giant, dragging along half-a-dozen damsels, with one hand, by their hair, to immure them in his dungeons, and grind their bones to make his bread, as was the wont of the Cornish giants of old; nor was he, like them, stupid and weak-minded, so as to be easily outwitted and destroyed by the immortal Jack. On the contrary, although valiant in war, he abused not his great strength by tyrannizing and oppressing his vassals, lived on good terms with his neighbours, and was gentle and tender in all his domestic relations [Ross 1892: 75].

Когнитивные признаки «глупый, наивный», «похищение людей» и «каннибализм» в редуцированном виде проявляются у периферийных персонажей третьей группы (Then Tommy Grimes said to Mrs Miacca: 'Does Mr Miacca always have little boys for supper?' – 'Mostly, my dear,' said Mrs Miacca, 'if little boys are bad enough, and get in his way'; *boy-meat; Tommy put out a leg and Mr Miacca got a chopper, and chopped it off, and pops it in the pot*), хотя их наличие служит скорее дидактическим целям. Страдают от таких сказочных существ, как правило, своенравные дети, нарушающие правила поведения и не слушающиеся родителей. Соответственно, персонажи типа мистера Майки берут на себя функции буغي-нянек, запугивающих детей и регулирующих их поведение: *Tommy Grimes was sometimes a good boy, and sometimes a bad boy; and when he was a bad boy, he was a very bad boy. Now his mother used to say to him: 'Tommy, Tommy, be a good boy, and don't go out of the street, or else Mr Miacca will take you.'* But still *when he was a bad boy he would go out of the street; and one day, sure enough, he had scarcely got round the corner, when Mr Miacca did catch him and popped him into a bag upside down, and took him off to his house. <...> So Tommy Grimes ran home, and he never went round the corner again till he was old enough to go alone* [Jacobs 1890].

У персонажей второй группы в полной мере сохраняется признак «физическая сила», получающий как прямую, так и косвенную дискурсивную реализацию. Прямые указания на мощь людей-великанов выражаются путем использования эпитетов (*his great strength; his mighty strength; a fortunate man of great strength*), сравнительных конструкций (*His hand was more like a shoulder of mutton than a boy's hand, and he was altogether like a little monster; the biggest man in Westmorland*) и за счет числовой конкретизации (*he was only ten years old ... and was five feet and a half in height, and two feet and a half broad*). Точные обозначения ростовых и параметрических характеристик десятилетнего героя свидетельствуют скорее о необычайно раннем физическом развитии последнего, чем о проявлениях сверхъестественного в его природе. Необыкновенность малолетнему герою придает его аппетит (*he would eat more than four or five ordinary men*), хотя в данном случае речь идет лишь о единичном дискурсивном проявлении соответствующего концептуального признака. Косвенная индикация физической силы людей-великанов гораздо разнообразнее и реализуется посредством характеристики окружающих героя предметов и манипуляций с ними: *Tom flung the enormous bundle over his shoulders, and walked away with it without any difficulty; having been offered as great a bundle of firewood as he could carry, he marched off with one of the largest trees in the forest; He thought nothing of flinging a huge hammer into the middle of a river a mile off* [Rhys s.a.: 79].

Наиболее распространенным атрибутом великана является дубинка: *armed with a huge crowbar of iron; and took a great club in his hand; and got his cudgel and advanced; with a knotted iron club by his side*. Данный атрибут сохраняется (хотя и получает более схематичную вербализацию) и у персонажей ближней и дальней периферии концепта: ср.: *Great Will struck out manfully with his club* (time out of mind the giant's favourite weapon); and when Tom had slain hundreds and so broken *his trusty club*. Вместо дубинки у героев появляется меч (использование данного вида оружия для великанов вообще не свойственно), более типичный для героев немифологического происхождения (*his two-handed sword*). Сохранение у периферийных персонажей молота как изначально магического оружия уже не предполагает наличия у него каких-либо волшебных свойств (*his big hammer 'Smiler'*): герой может продолжать выполнять ритуальные действия, магический смысл которых забыт; соответственно, магическая символика восстанавливается лишь при обращении к этимологическому анали-

зу номинаций персонажа и его инструментария и при обращении к широкому культурологическому контексту. Так, например, молот Smiler соотносится с чудесным молотом Мьелльниром, атрибутом скандинавского бога-громовержца Тора, главного противника йотунов и змея Йормунганда [Скандинавская мифология 2007: 535]. Следовательно, неадекватное с точки зрения рационального мышления поведение героя представляет собой остатки ритуальных действий, имеющих целью имитировать действия божества и воздействовать на воздушную стихию, т.е. внесение элементов погодной магии: *There was once a silly man who broke stones by the road side, and he was so silly that he used to talk to the stones as he broke them* [Addy 1895: 49].

Все более детальную текстовую репрезентацию получает усиливающее противостояние сказочного великана и великаноподобного человека-героя по признаку степени вредоносности, проявляющееся в средствах номинации: *the monstrous brute vs such a generous soul as Sir Thomas Hickathrift*. Данная оппозиция являет собой противостояние человека с силами природы, окультуривание и подчинение диких, необузданных стихий, которое, по архаическим представлениям, под силу не любому человеку, но культурному герою, полубогу по происхождению. В основе образа Тома Хикатрифта, по мнению Дж. Джейкобса, лежат глубокие скандинавские мифологические мотивы, сближающие его с богами северогерманского пантеона [Jacobs 1894]. Вместе с тем в сказке подчеркивается его «полноценное» человеческое происхождение и отсутствие каких бы то ни было мифических корней (*Before the days of William the Conqueror there dwelt a man in the marsh of the Isle of Ely whose name was Thomas Hickathrift, a poor day labourer, but so stout that he could do two days' work in one. His one son he called by his own name, Thomas Hickathrift, and he put him to good learning, but the lad was none of the wisest, and indeed seemed to be somewhat soft, so he got no good at all from his teaching* [Jacobs 1894]). Неуправляемость и сокрушительная мощь природных явлений воплощена в образах диких животных, обитающих вместе с великаном на одном острове: *wild bears and lions, wild beasts, these ravenous beasts, those ravenous savage beasts*. Уничтожение героем диких животных (а) и великана (b), держащих местное население в страхе, знаменует усиление социокультурных факторов в развитии человека и качественную перестройку механизмов обработки информации в ходе познавательной деятельности:

a) Tom and the tinker stood, side by side, with their backs against an oak, and as the lions and bears came within their reach, Tom, with his long sword, *clove their heads asunder till they were all destroyed...* [Tibbits 1904: 115];

b) With that he ran his long broad-sword into the giant's body, which made the monstrous brute give such a terrible groan that it seemed like roaring thunder, making the very neighbouring trees to tremble. Then Torn, *pulling out his sword again, at six or seven blows separated his head from his unconscionable trunk*, which head, when it was off, seemed like the root of a mighty oak [Tibbits 1904: 114].

Дальнейшая социализация персонажа заключается в появлении в когнитивной структуре соответствующего микроконцепта признаков немифологического характера: «верноподданный слуга», «защитник королевской власти», «спра-

ведливый правитель». В сказочном дискурсе аккумулированы типизированные представления о социальной карьере: Том Хикатрифт защищает короля от бунтовщиков; за проявленные доблесть и бесстрашие проходит посвящение в рыцари, приобретая титул Sir Thomas Hickathrift, становится губернатором острова.

For which reason it was thought necessary to *make him governor of the aforesaid island, which place of trust and honour he readily received*, and accordingly he forthwith went down with his wife and family, attended by a hundred knights and gentlemen, who conducted him to the entrance of *the island which he was to govern* [Tibbits 1904: 112].

В общем виде концептуализация анализируемых когнитивных признаков при создании образов центральных и периферийных персонажей мифоконцепта «великан» представлена в таблице:

**Распределение когнитивных признаков
в центральных и периферийных областях мифоконцепта «великан»**

Когнитивный признак	Ядро (великан)	Ближняя периферия (великан Вада)	Дальняя периферия (Том Хикатрифт)	Крайняя периферия (мистер и миссис Майка и т.д.)
Огромный рост	+	+	+	-
Огромная физическая сила	+	+	+	-
Отменный аппетит	+	+	+	+/-
Оружие как атрибутика	+	+	+	+/-
Создатели рельефа	+	+	-	-
Вредоносность	+	+/-	-	+
Похищение людей	+	+/-	-	+/-
Каннибализм	+	-	-	+/-

Таким образом, динамика мифоконцепта прослеживается в направлении демифологизации наиболее актуальных когнитивных признаков и их компенсации признаками социального характера, репрезентирующими новый, исторически более поздний, взгляд на мироустройство через призму историко-культурных и социально-экономических факторов. Неоднородность анализируемого мифоконцепта проявляется в наличии в его составе содержательно вариативных микроконцептов, занимающих ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию в зависимости от яркости актуализируемых в сказочном дискурсе мифологических и немифологических признаков. Для мифоконцепта «великан» подобные отношения могут быть представлены как (движение от центра к периферии) великан → существа гигантского размера, не обладающие магическими способностями → герои-люди огромного

роста и недюжинной силы → персонажи, сохранившие отдельные черты и атрибуты великанов.

В процессе демифологизации концепта угасанию подвергаются наиболее существенные для мифологического сознания когнитивные признаки: «огромный рост» (постепенное приближение роста персонажей к человеческому), «злостный характер», «вредоносность». Имеющие место случаи нанесения вреда периферийными персонажами человеку, как правило, получают рациональное обоснование и являются следствием нарушения нравственных норм и попрания социально признаваемых ценностей самими потерпевшими. Демифологизация мифоконцепта сопровождается тенденцией к «очеловечиванию» вымышленных референтов, нивелированию их сверхъестественной природы, что проявляется в сказочном дискурсе в их неволшебном происхождении, наделении персонажей сугубо человеческими качествами (положительными и отрица-

тельными), типичными для человека занятиями (в том числе профессиональными), способностью продвижения вверх по социальной лестнице. Сохраняющаяся у персонажей атрибутика теряет большинство своих магических свойств, что не может не отражаться на статусе их владельцев, превращаясь постепенно в предмет бытового назначения (особенно у персонажей крайней периферии). Референты, относящиеся к дальней и крайней периферии концепта, начинают противопоставляться референтам центральных областей мифоконцепта эксплицитно по признаку вредоносности и имплицитно по признаку сверхъестественности природы. Крайней формой дискурсивной реализации данного противостояния является борьба героя с мифологическим персонажем (Tom Hickathrift vs giant, Tom Hickathrift vs dragon), заканчивающаяся смертью последнего и символизирующая победу социальной организации над стихийными силами природы.

Список литературы

Абьякая О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 195 с.
Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография / под ред. Б.Н.Путилова. Л.: Наука, 1970. С.139–148.
Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2002а. 40 с.
Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы

национальной картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2002б. 364 с.

Пропп В.Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.

Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 592 с.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. 435 с.

Шаховский В.И. Семантические особенности мифолексем как разряда экспрессивной лексики // Лексическая и грамматическая семантика: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: 1986. С. 72–82.

Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. М.: КомКнига, 2005. 208 с.

Ady S.O. Household Tales and Traditional Remains: Collected in the Counties of York, Lincoln, Derby and Nottingham. London: David Nutt in the Strand, 1895. 163 p.

Jacobs J. English Fairy Tales. London: David Nutt, 1890. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm> (дата обращения: 16.03.2004).

Jacobs J. More English Fairy Tales. London: David Nutt, 1894. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm> (дата обращения: 16.03.2004).

Rhys E. Fairy Gold: A Book of Old English Fairy. London: J.M. Dent & Co., s.a. 305 p.

Ross F. Legendary Yorkshire. London: William Andrews & Co., The Hull Press, 1892. 246 p.

Tibbits Ch.J. English Fairy Tales: Folklore and Legends. London: Gibbins and Co., 1904. 198 p.

DYNAMICS OF THE MYTHOLOGICAL CONCEPT «GIANT» (on English folk tales)

Olga A. Plakhova

Reader of Theory and Methods of Teaching
of Foreign Languages and Cultures Department
Togliatti State University

The paper deals with the mythological concept «giant» as a dynamic unit accumulating a wide range of mythological ideas of the universe. Dynamics, changeability of the mythological concept in the national concept sphere is manifested in its acquisition of attributes reflecting socially significant characteristics of corresponding referents of imaginary reality. Non-mythological attributes in question co-exist with mythological attributes gradually replacing them in the peripheral sphere of the concept.

Key words: demythologization; dynamics; mythological concept; cognitive attributes; folk tale discourse; mythological world picture.